

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ЗНАЧЕНИЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Л.В.Колесникова

(кандидат филологических наук, доцент, Измаильский государственный гуманитарный университет)

У статті наведено огляд нових інтегративних концепцій мовного значення в когнітивній лінгвістиці, що характеризуються відходом від дуалістичної картезіанської філософії пізнання.

The article gives a survey of new integrative theories of language meaning in cognitive linguistics which are characterized by deviation from a dualistic Cartesian philosophy of cognition.

В современном теоретическом языкознании когнитивная лингвистика занимает одно из ведущих положений. И прежде всего потому, что в ней на язык смотрят как на одну из когнитивных областей человека, связанных с другими областями и отражающих взаимодействие психических, культурных, социологических и других факторов. Определение природы языка детерминируется теорией познания: «Язык – когнитивный процесс, реализуемый в коммуникации» (1, 54), – а сама когниция становится главным объектом в когнитивной лингвистике, рассматривается ее структура, так называемый домен «когниция» (2, 275). Предметом же когнитивной лингвистики является постижение человеком мира и себя в этом мире. Язык трактуется как организованная система переработки информации, осуществляемая в человеческом мозге; анализируются различные когнитивные единицы (гештальты, фреймы, сценарии, концепты) и процессы, среди которых выделяются два основных – категоризация и концептуализация (3, 42, 53, 93).

Сейчас в языкознании сложилось уже несколько направлений, из них, по мнению В.З.Демьянкова, только три наиболее отчетливо называют себя когнитивной лингвистикой (4, 7):

- 1) общетеоретические построения, трактующие соотношение языка и мышления, памяти и переработки информации;
- 2) формальные грамматические концепции, предписывающие правила языку (порождающая грамматика Н.Хомского и его последователей – когнитивных функционалистов);
- 3) локалистские концепции семантической структуры предложения, предполагающие, что в основе «семантической репрезентации» лежат пространственные отношения, которые лишь в интерпретации переосмысливаются во все другие типы отношений – временные, причинные, следственные и др.

Характерно, что все они стараются обособиться друг от друга как в постановке проблем, так и в их решении, что может привести к научному изоляционизму, а точнее к «сектантству».

Об этом говорят ведущие исследователи, озабоченные потоком новых концепций, а также невозможностью преодолеть капсулированность лингвистики, чтобы войти в общий контекст наук о человеке.

По мнению русского лингвиста А.В.Кравченко, изложенному в статье «Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода» (5, 37-52), и английского Лава Найджела в работе «Когниция и языковой миф» (6, 105-134), «социальный заказ» на интегративную теорию языка созрел. И эскизы интегративной теории языка уже созданы.

Почему такая долгая преамбула к поставленному в названии статьи вопросу? Действительно, в когнитивной лингвистике семантика занимает главное место, а основная задача, стоящая перед когнитивной семантикой, – эксплицировать некоторые скрытые механизмы вербализации мыслительных структур (прежде всего концептов) в процессе познания мира. Средствами такой объективации концепта могут выступать значимые единицы языка, в первую очередь слова. Значение же, входящее в структуру словесного знака, рассматривается как основной объект исследования.

Природу и сущность языкового значения в разных семиотических концепциях раскрывают путем его моделирования, классический образец которого (семантический треугольник А.Ричардса и Ч.К.Огдена) нам хорошо известен. Уже в XXI в. вышло несколько солидных трудов, посвященных проблемам классической и когнитивной семантики: монографии «Спорные проблемы семантики» Н.Ф.Алефиренко (7); «Семантика» М.А.Кронгауза (8); «Лингвистическая семантика» И.М.Кобозевой (9); «Теория значения в системе функциональной грамматики» А.В.Бондарко (10); «Очерки по русской семантике» А.Б.Пеньковского (11); «Многозначность в языке и способы ее представления» Анны А.Зализняк (12); «Типы производных значений и механизмы языкового расширения» Г.И.Кустовой (13); сборник «Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления» (14); коллективная монография «Языковая картина мира и системная лексикография» (15) и др.

Представленные в данных теоретических исследованиях многообразные концепции значения

характеризуются все же общностью подхода, продолжающего дуалистическую традицию, заложенную Декартом и укоренившуюся в западной философии. В соответствии с ней мышление и языковые формы его выражения являются онтологически различными сущностями – мысли идеальны, а языковые формы материальны. Различие же в этих концепциях в целом сводится к неодинаковой интерпретации языкового знака – либо объективистской, либо субъективистской, причем в современном языкознании доминирует объективизм, проявляющийся в том, что в нем языковой знак имеет значение постольку, поскольку он замещает, репрезентирует нечто, лежащее за пределами языка. При этом концептуализирующая деятельность сознания идет по направлению от предмета к мысли об этом предмете, а от мысли (образа, ментальной репрезентации предмета) – к знаку, позволяющему, в свою очередь, осуществить опосредованное указание на предмет мысли, так как язык отображает (по Б.Серебренникову) знаковым способом отраженную в сознании действительность, т.е. «выражает состояние сознания в вербальной форме», по словам Т.Н.Ушаковой (16, 22).

Объективистской теории значения противостоит подход, при котором предметы, называемые языковыми знаками, рассматриваются как создаваемые самим языком, т.е. речь идет о единстве знака и мысли. Такой взгляд на язык как знаковую систему и соотношение языка и мышления был предложен еще В. фон Гумбольдтом («язык есть орган, образующий мысль») и получил дальнейшее развитие в теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Логическим завершением такого подхода становится субъективизм – убежденность в том, что значения находятся в голове и что единственной реальностью является реальность сущности, именуемой «сознание/мозг». Например, С.Прист (17) утверждает, что сознание есть мозг, а мышление есть ментальная активность мозга, однако не сводит ментальное к физическому и наоборот, а само специфическое состояние нейронной активности определенного участка нервной системы приобретает *знаковый* характер.

В классической традиционной лингвистике при любых подходах, по мнению А.В.Кравченко, во всех вариациях семантического треугольника и других геометрических построениях «не находится места фактору *иного сознания*, без которого любое схематическое представление семиозиса оказывается губительно ущербным» (18, 151-152). Как известно, проблема *иных сознаний* была сформулирована в философской литературе Юмом: если слова выражают идеи, то как я, говорящий, могу в действительности быть уверен в том, что ты, слушающий, имеешь те же идеи вещей, что есть у меня?

Совершенно новая, учитывающая фактор *иного сознания* интерпретация значения как возникающего лишь в процессе взаимодействий человека со средой, имеющего деятельностьную природу, обусловленную особенностями существования и адаптивной деятельности человека как социального существа, отражена в полемических статьях российских и зарубежных ученых, опубликованных в 1-ом выпуске новой серии «*Studia Linguistica Cognitiva*», в редакционный совет которой вошли Кравченко, Демьянков, Кубрякова, Залевская.

Полемика была вызвана недавно появившимися в переводе на русский язык работами чилийских ученых биолога Умберто Матураны и его последователя Ф.Х.Варелы: в 1995 г. «Биология познания» (Язык и интеллект. – М.: Прогресс); в 2001 г. «Древо познания» (М.: Традиция) и непереведенная еще, так как ссылаются на английский вариант 1978 г., «*Biology of language: the epistemology of reality*». В них представлен один из эскизов новой интегративной теории языка на основе не-картезианской трактовки философских проблем лингвистики.

В новой теории познания, названной биологической, статус языка в когнитивной деятельности человека определен таким образом: язык – это адаптационная система, с помощью которой человек взаимодействует со средой, и это ориентирующая система в этом взаимодействии. Специфику же взаимодействия того или иного конкретного человека с миром можно установить, главным образом, по экзистенциальному критерию, исходя из понятия жизни, человека живого, его бытия или небытия в данном мире. В соответствии с этим критерием выделяются два вида типов мира по отношению к живому говорящему или пишущему – «мир-без-меня» и «мир-со-мною» – соответствующие двум видам когнитивной деятельности – наблюдению и конструированию. (Следует отметить в связи с этим, что еще Гегель указывал на два типа сознания по отношению к действительности – наблюдающее и действующее сознание). Что же касается типов миров, то, согласно теории множественности миров Льюиса, миром является любой возможный мир, и не важно, существует мир в действительности или это вымышленный мир, важно лишь то, что его воспринимает конкретный человек в определенное время (19). По мнению С.Н.Плотниковой (20, 69), перцептуальный доступ к миру, его восприятие выступает необходимой предпосылкой и точкой отсчета для любой когнитивной деятельности.

При этом наблюдение в процессе когниции представляет собой усвоение знания, уже содержащегося в «мире-без-меня», а конструирование – создание нового знания в «мире-со-мною».

Новый, интерсубъективистский подход к значению, учитывающий фактор иного сознания, предполагает взаимодействие с источником знака, т.е. с другим организмом и с другим сознанием, и это

взаимодействие имеет биолого-социальную основу. Следовательно, признание языковой деятельности как специфического вида биологической активности, сопровождающей деятельность общественных организмов, необходимо требует признания и деятельностной природы языкового значения.

Другой разновидностью интегративной концепции языкового значения можно считать биокультурную теорию значения Йордана Златева (21, 308 – 361) из Лундского университета Швеции.

Утверждая, что значение, продолжая оставаться одним из противоречивых и сложных, все-таки считается основополагающим понятием, имеющим междисциплинарный статус, Й.Златев делает обзор классических трудов по этой проблеме в области лингвистики, философии, общественных наук, психологии, биологии, науке об искусственном интеллекте и отмечает, с одной стороны, нормальность различий взглядов на самое фундаментальное свойство человеческих и других живых существ, с другой стороны, – их фрагментарность и вопиющую непоследовательность.

Применив эволюционный и эпигенетический подходы, автор выдвигает шесть основных тезисов единой теории значения.

1. Значение является отношением между организмом и его средой, определяемое ценностью, которую конкретные факторы среды имеют для организма.

То есть, значение – это экологическое понятие, в том смысле, что оно не выступает чисто субъективным (в голове) или объективным (в мире), но характеризует взаимодействие между организмом и средой. Причем только живые системы способны к значению, так как только живые системы имеют внутренне присущие врожденные или приобретенные ценности.

2. Значение физических факторов, воспринимаемое посредством врожденных ценностных систем, основывается на их роли в сохранении жизни индивида и его рода.

3. Значение культурных факторов оценивается на основе конвенциональных ценностных систем, состоящих (главным образом) из знаков. Ими нужно овладеть, прежде чем они смогут детерминировать отношение значения для организма. Будучи социальной по происхождению, эта система значения берет на себя роль приобретенной ценностной системы, являющейся посредником между организмом и средой. При этом биологически предопределенные, врожденные ценностные системы по-прежнему присутствуют.

4. Как врожденные, так и приобретенные ценностные системы играют роль контролирующих систем, направляя и оценивая поведение организма и его адаптацию.

Контролирующие системы сигнализируют организму о необходимости предпринять какое-либо действие, т.е. они лежат в основе мотивации и интенции, а также участвуют в оценке действия, назначая «вознаграждение» и «наказание», и влияют на более адекватное поведение в будущем, выполняя роль научения. Это служит основой самокоррекции и саморегуляции.

5. Внутренне присущая ценность, и, соответственно, значение тесно связаны с эмоцией и чувством и представляют необходимое, но недостаточное условие чувственного переживания. Заметим, что в нашем обыденном сознании эмоции и чувства неразделимы, выступают как синонимы, но в нейронауке их разделяют на основе невключенности/ включенности сознания (эмоции выражаются, чувства переживаются).

6. На основе введенных понятий Й.Златев определяет четыре различных типа систем значения, основанных на специфических для разных уровней категориях восприятия/социального взаимодействия и образующих эволюционную и эпигенетическую иерархию: сигнально-стимульная, ассоциативная, миметическая и символическая. Первые два типа соответствуют системам «природного» значения, последняя является системой «неприродного», конвенционального значения, третья система, основанная на мимезисе, характеризуется как переходная.

Данные системы значений обнаруживаются в филогенезе у следующих типов существ: сигнально-стимульная – от бактерий до плоских червей; ассоциативная – от беспозвоночных до большинства млекопитающих; миметическая – обезьяны, китообразные; символическая – *Homo sapiens* = *Homo symbolicus*.

Поскольку между филогенетическим и онтогенетическим развитием отмечается сходство на основе биологического закона рекапитуляции (индивид должен развиваться в направлении, подобном развитию вида), во внутриутробном развитии человека проявляется некоторое сходство с сигнально-стимульными существами; когнитивное развитие ребенка с 0-9 месяцев проходит ассоциативный этап – наблюдаются прото-разговоры, прото-жесты, инициация коммуникации, действует механизм интерэмоциональности; миметический этап ребенка длится с 9 до 24 месяцев, в это время осуществляется совместное внимание, интересубъективность, имитация, декларативное указание, но настоящего языка и нарратива нет; ранний символический этап (от 2 до 5 лет) характеризуется скачком в росте словарного запаса, грамматическим скачком и появлением нарратива, однако полной теории сознания еще нет.

Данная теория предполагает существование континуума значения во всех живых существах, т.е. что

значение является соположенным жизни во времени и пространстве, однако оно не сводимо к одной биологии. Для существ, способных к приобретенным ценностным системам, т.е. к культуре, значение становится комплексным биокультурным феноменом.

Предложенные У.Матураной и его последователями основанные на человеческой биологии познания трактовки значения с большим трудом воспринимаются лингвистическим сообществом, характеризующим их то как вульгарно-биологические, то как метафизические и бросающие вызов классическому языкознанию. Вместе с тем еще со времени выхода работы Куна «Структура научных революций» известно, как происходит смена научных парадигм. Поэтому представляется достаточно очевидным, что отрывать разум от мозга, являющегося частью тела, т.е. исключать телесную природу разума, игнорировать в целом биологическую природу познания и значения в исследовании человеческой когниции, значит противоречить здравому смыслу и заведомо зайти в научный тупик.

«Движение знания, – отмечал П.В.Копнин, – неосуществимо без иррационального момента, который интуитивен, свернут и до определенного момента остается логически неоправданным» (22, 121). Если судить по содержанию полемических статей российских и зарубежных ученых, затрагивающих важнейшие теоретические вопросы характера значения в когнитивной лингвистике, и географии ее авторов (от Швеции до Японии и обеих Америк), то этот определенный момент настал. Вместе с тем следует отметить, что изучение языка как особой области когнитивных взаимодействий, биологосоциальной и биокультурной природы этих взаимодействий, анализ деятельностного характера языкового значения и его интересубъективной сущности – это те задачи, которые предстоит решить лингвистике нового тысячелетия.

1. Кубрякова Е.С. Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып.3. – М., 1998.
2. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live*. – Chicago, 1980.
3. Краткий словарь когнитивных терминов /Под общ. ред. Е.С.Кубряковой. – М., 1996.
4. Демьянков В.З. *Studia Linguistica Cognitiva* – призыв к сотрудничеству // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып.1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М., 2006.
5. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып.1. – М., 2004.
6. Лав Н. Когниция и языковой миф // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып.1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М., 2006.
7. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М., 2005.
8. Кронгауз М.А. Семантика. – М., 2001.
9. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. – М., 2000.
10. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. – М., 2002.
11. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. – М., 2004.
12. Зализняк А.А. Многочисленность в языке и способы ее представления. – М., 2006.
13. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М., 2004.
14. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – М., 2002.
15. Языковая картина мира и системная лексикография /Отв. ред. Ю.Д.Апресян. – М., 2006.
16. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // *Языковое сознание и образ мира* / Институт языкознания. – М., 2000.
17. Прист С. Теории сознания. – М., 2000.
18. Кравченко А.В. Является ли язык репрезентативной системой? // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М., 2006.
19. Lewis D. *On the Plurality of Worlds*. – Oxford, 1986.
20. Плотникова С.Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып.1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М., 2006.
21. Златев Й. набросок единой биокультурной теории значения // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып.1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М., 2006.
22. Копнин П.В. О рациональном и иррациональном // *Вопросы философии*. – 1968. – №5.